
Глотал электрический свет. Думал, что меня ждёт.
К тому времени дело моё целый месяц в конторе
крутилось на месте и не продвигалось вперёд.
Словно винт мясорубки. А вскоре

процесс начинался. Пока я свидетель. Дожди
за стеной причитают, скрежещут трамваев колёса.
Всё тянется медленно здесь, я привык. Позади
было много похожих допросов.

Скруглило, расплющило время лицо следака.
Циферблат, на усах без пятнадцати три. В кабинете
одиннадцать ночи. Он в штатском, во тьме пиджака
синий ромб ЛГУ. Сигарета

во рту, газыри авторучек блестят. Аксакал
держит паузу. Встал, не спеша затянулся. – Ну что же
попробуем снова. – И громкость повысил слегка. –
- Вам помощь нужна. – В жёлтой роже

от скуки скукожилась кожа. Молчит. Наконец,
намотав поплотней на кулак мои нервы, со вздохом
задумчиво выпустил несколько синих колец
мне в лицо и рванул. – У вас плохо

работает память. Есть несколько новых больниц,
где такие проблемы решают врачи. – Он сурово
сужает глаза. Взгляд блестящий и острый как шприц,
где беспамятство плавает. Снова

опасную подлость мне вкручивать против резьбы
начинает. Ещё через несколько лет он куда-то
сбежит и следы следака, его тёмной судьбы
навсегда затеряются в Штатах.

Дружочки мои, что следак посадил в тот апрель,
от звонка до звонка будут сроки мотать. Очень многих
не стало теперь. Накрахмалена кровью шинель,
из которой мы вышли в дорогу.